

30 — 1933

Перед съездом писателей

ПРОБЛЕМЫ ДРАМАТУРГИИ*)

500 ЗАМЕТКИ ДРАМАТУРГА

Ю. ОЛЕША

1
Меня интересует вопрос о физическом уничтожении персонажей в пьесах.

Прежде писались пьесы, в которых участвовали короли, принцы, полководцы, рыцари (Шекспир, Шиллер, Гюго). Этим персонажам уничтожать друг друга было легко. Они все были при шпагах, и — в случае чего — просто выхватывалась шпага, и происходило нужное по сюжету убийство.

Часто также применялся яд. Герою всыпали яд в кубок. Или герой кому-нибудь всыпал яд в кубок. Яд приготавлился придворными докторами. Его хранили в кольце.

Комично, но вопрос о праве ношения оружия оказывает некоторое влияние на технику драматургии.

Возьмем пьесы, писавшиеся в предреволюционный период. Например пьесы Чехова. Чехов не представлял себе пьесы без выстрела. Во всех пьесах его раздается выстрел. В водевиле «Медведь» дело вертится вокруг пистолетов. И даже в известном определении законов драмы Чехов не мог обойтись без огнестрельного оружия. Если ружье висит в первом акте, то в последнем оно должно выстрелить.

Иванов стреляет в себя, Войницкий в Серебрякова, Треплев в себя. В «Трех сестрах» — дуэль. Занятно, между прочим, что парадность выстрела на сцене несколько смущала Чехова. Он в некоторых случаях снижает эту парадность. Войницкий, например, стреляя в профессора Серебрякова, восклицает при этом «бац». Это не выстрел, — говорит Чехов, — не выстрел с громом и блеском, а «бац». Это сниженный, штатский, смешной выстрел (но все-таки выстрел). В «Чайке» такое же снижение. Там звук выстрела похож на звук лопнувшей банки с эфиром.

В буржуазное время оружие можно было купить в магазине. У Чехова же есть рассказ о том, как обманутый муж выбирает в магазине оружие. А Иванов на собственную свадьбу пришел с револьвером.

Финальная ремарка «Иванова» такова: «Иванов отбегает в сторону и застреливается». То есть человек, прежде чем идти на свадьбу, вынул из письменного стола револьвер и сунул его в карман фрачных брюк.

Вот как просто обстояло дело.

Что же делать нам?

Право на ношение огнестрельного оружия находится под строгим контролем, и это право получают как раз те люди, которые менее всего склонны производить выстрелы по личному поводу.

Мы прибегаем очень часто к вспомогательному моменту: краже револьвера.

Сама жизнь испытывает в этом отношении некоторые затруднения. Когда, допустим, икс решает убить игрэка, он специально едет в Ленинград к своему брату и крадет у него револьвер.

*) См. высказывания писателей-драматургов, театральных деятелей в № 1, 2—3, 4.

Поездка в Ленинград, кража револьвера — ведь это целый акт в пьесе!

Можно убить не только огнестрельным оружием, можно убить стулом, топором. Но такие убийства на сцене не производятся, потому что они неубедительны. В «Мысли» Андреева Керженцев убивает посредством пресс-папье. Но Андреев указывает, что убиваемый стоит как бы под гипнозом. А убийца медленно, толчками опускает руку. Стало быть, Андрееву очень важно остановить внимание актера на этом моменте. Драматург в данном случае помнит, что нельзя убедительно произвести убивающий взмах.

В драме все строится вокруг страданий какого-нибудь персонажа, и дело приходит к тому, что либо этот персонаж убивает, либо его убивают, либо он убивает самого себя. Каждая драма имеет некоторую внешнюю уголовщину. Очень трудно вспомнить драму без физической гибели кого-нибудь из действующих лиц.

В наших пьесах, если действующее лицо выхватывает револьвер, тотчас же возникает вопрос: где он достал револьвер?

Драматург записывает в записной книжке: «затем он в него выстрелит». Это опрометчиво. Сперва нужно тщательно, во избежание лжи и натяжки, обдумать, как, откуда, какими путями оружие оказалось у действующего лица.

Тут в голову приходит такая мысль: именно в нашей драматургии возможны такие драмы, где уничтожение производится машиной логики. Физическое уничтожение заменяется логическим. Человек превращается не в труп, а в ноль.

2

Главной темой буржуазной драматургии были деньги. Тема денег, обогащения. Особенно внезапного обогащения. Богатство давалось как награда за душевные качества. Надо было облагородить, возвысить богатство материальное.

Вексель. Как он часто мелькает в буржуазных пьесах! Его комкают, рвут, сжигают. Над ним плачут, его возвращают, его выкрадывают. Он связывает интригу, создает коллизии, он возникает между тремя, образуя самую драму. Вокруг него идет борьба. Он — лакмусовая бумажка, обнаруживающая истину характеров.

Или например — богатый жених. Существовали богатые женихи. В романах встречались такие фразы: «Это был один из богатейших женихов России».

Что это значит? Что такое «богатый жених»? Не знаем, не знаем. Теперь нет богатых женихов. Теперь даже самое слово «жених» забывается. Чрезвычайно редко услышишь теперь фразу:

— Это ее жених.

В буржуазной драматургии богатый жених был одним из эффектнейших персонажей. Его долго подготавливали, он появлялся в конце акта.

Как страшно было жить! Чтобы получить благословение на брак от какого-то главного родственника, — дальнего, не обращающего внимания, но само-

фразисту рм).

„художники РСФСР за XV лет“

А. М. Горький—
худ. А. Д. Корин.

го главного, самого богатого, — сколько приходилось ждать, унижаться. Целых пять актов!

Потому что существовало такое понятие: наследство. То есть деньги. То есть обогащение.

2 Наследство. Это надо было получить! Ждать наследство... Ого! Это борьба, поединок, возникновение увлекательнейших персонажей. Поддельватели завещаний. Похитители детей. Тайны, тайны, тайны. Какие завязки, какие кульминации, какие встречи в последнем акте, какие слезы, какие пелеринки на лакеях, какие сдергивания масок!

В буржуазном мире каждому предоставлялась «возможность» быть кузнецом своего счастья. Можно было нажить миллион. Можно было найти пакет с деньгами. Этот мир сделал тему денег волшебной. Мечта о внезапном разбогатении трансформировалась в обаятельные образы золушки и гадкого утенка. Этот мир создал тип подкидыша, тип грабителя ради бедных, тип доброго богача. Исподволь, незаметно, завуалированно внедрялись деньги как стимул жизни в искусство.

Эта тема — тема денег — очень твердо установилась в искусстве, овладела воображением художников. Она начала рождать такие идеальные, такие ангельские образы, что даже забывалось, что она — грубо материальна, грязна, кровава.

Как увлекателен Жан Вальжан в «Отверженных» Гюго. Из вора он стал богачом. Из каторжника — праведником. Он, добрый богач, спас из нужды и унижений девочку. Он встретил ее ночью в лесу. Она несла тяжелое ведро. Он взял у нее ведро из рук на ходу, она вдруг перестала ощущать тяжесть, он понес ведро, обременявшее нищую девочку. Девочку унижали трактирщик и его жена, обирали,

злые богачи. Добрый богач наказал их, заступившись за нее. Внешне, эстетически это звучит необычайно сильно. Вспомните это место. Так рождала и пафос, и нежнейшие мелодии тема обогащения в буржуазном искусстве.

В нашем мире, где частная собственность отмирает, тема обогащения исчезает. Она исчезает, как дым, навеки, рассыпается и никогда не возникнет, она погребена. Миф о золушке неповторим.

В Америке говорят:

— Этот человек стоит два миллиона.

Нас интересует иная стоимость человека. В обществе, где не будет богатых и бедных, получится возможность определять абсолютную стоимость человека. В бесклассовом обществе многое будет обращено на улучшение человека. Тут возникает соревнование. Кто из нас лучше, чище, умней, изобретательней? Чья цена выше?

Абсолютная цена. Без миллионов. Без наследств.

Возможно, что этот момент — соревнование человеческих качеств — будет главной темой драматургии будущего.

А такое соревнование — ведь оно создаст острейшие конфликты, оно может быть очень трагичным. Но цель его чиста и высока: стать лучше.

3

Говорят: обаятельный человек.

Есть обаятельные люди. Есть люди без обаяния. Вполне хорошие, умные, образованные, честные, приветливые, но лишенные дара привлекать сердца.

Есть люди, с которыми не хочется возвращаться домой из гостей. Люди, от которых хочется отделяться.

„художники РСФСР за XV лет“

Засл. артистка Е. Д. Турчинова —
худ. А. Л. Ржевская

Но я убежден, что у каждого человека — даже ничем непримечательного, обыкновенного человека — есть сфера деятельности, где он становится обаятельным.

Я заметил, что обаятельными становятся люди при исполнении работы, т. е. тогда, когда они совершают движения, из которых каждое необходимо и полезно. То есть люди в ритме. Всегда приятно видеть людей с молотами, ремонтирующих ночью трамвайный путь. Обаятелен шофер, напрягающий внимание.

Однажды оборвался трамвайный провод. Место оцепили. Стояли трамваи. Толпа молчала. Затем приехала аварийная башня. Молодой человек в рукавицах появился на вершине, над толпой — он что-то делал у провода. Он был весь внимание. И сам того не зная, — вернее не имея времени о том подумать, — он был актером перед множеством зрителей. И все смотрели на него с восхищением, любясь, ощущая какую-то благодарность к нему и вместе с тем зависть — и желание стать им и гордиться им. То есть испытывали чувства, возникающие при влюбленности.

Человек, управляющий смертоносным движением машин транспорта, должен проявлять предел внимания. Он весь в ритме. Он — сама ответственность. Ни одного лишнего движения. В этом его грация и то, что он становится человеком, которому хочется подражать.

Тут точка, объясняющая, что сама жизнь без участия художника может стать искусством.

Великой магией обаяния владеет врач, появляющийся на несчастный случай. Этот страшный человек, вынимающий сверкающую сталь из чемоданчи-

„художники РСФСР за XV лет“

А. С. Бубнов —
худ. И. В. Космин.

„художники РСФСР за XV лет“

Заслуж. артистка В. Н. Попова
— худ. Кузнецов.

ка, этот обладатель кратковременного, но не человеческого величия, подзывающий движением пальца людей с носилками, он, пощупавший пульс лежащего на мостовой и ничего не сказавший толпе о том, что ждет жертву, — этот человек представляет собой олицетворение того, что громко называется жизнью и смертью.

Известны симпатии, которые вызывает образ великого хирурга.

В людях не угасает детское. Игра есть в военном параде. Игра есть в разведении караула. В церемониях заседаний и судов. И как страшно связаны эти вещи, вызывающие влюбленность в детей, со смертью и кровью!

Сцены ареста, сцены допроса, сцены суда, как они выигрышны в пьесах, как их любит публика!

Наиболее обаятельным кажется мне образ того, кто появляется в пьесе, чтобы сказать: не бойтесь. Человек, к которому припадают испугавшиеся, каждый своим словом и жестом вызывает в горле зрителя першение. Образ защитника. Он сродни тому молодому человеку в рукавицах на аварийной башне, который с предельной внимательностью и целесообразностью производит движения, исправляя оборвавшийся провод, прикосновение к которому грозит смертью.

4

Когда я был мальчишкой, продавались замечательного свойства переводные картинки. Это была некая книжечка, альбомчик. На листках были изображены

3

окрашенные однотонно — в темный цвет — различные сцены.

Естественно было предположить, что при переводе на бумагу появится та же сцена, но в яркой разноцветной окраске.

Но — и это была особенность такого сорта картинок — на бумаге возникало совершенно иное изображение, безумно яркое, новое, неожиданное, неизвестно где до того находившееся.

Одно из этих изображений я запомнил на всю жизнь. Тогда я не знал, что оно означает. Гораздо позже я догадался. Это был эпизод из подавления боксерского восстания в Китае. Под неописуемо синим небом стояла высокая стена, и через нее свешивались обезглавленные китайцы. И кровь — неописуемо алая — стекала по стене. Картинка эта сверкала, потому что только что вышла из воды.

Тогда мне было очень мало лет. Шесть-семь. Первые стихи я написал в семнадцать лет. Очень долгое время, следовательно, я и понятия не имел о том, что стану заниматься искусством. Но я помню твердо, что впечатление, которое я получил от созерцания удивительной картинки, резко отличалось от других впечатлений детства.

В тот момент я убедился, что размеры и время — вещи относительные, что есть в мире возможность управлять этой относительностью, и эта возможность принадлежит искусству. Маленькое, величиной в карту, изображение не поддавалось масштабному определению. Оно вошло в сознание как событие, а не как изображение события.

Анализ того состояния я, конечно, произвел гораздо позже, но что оно было чрезвычайно странным, новым, что оно было шоком, — это я понял уже тогда в детстве, в тот самый момент, когда это состояние началось.

4 Тогда я не мог размышлять, однако какая-то тень мысли появилась, — мысли о том, что в соотношениях между пространством и человеком (маленькие китайцы, стена, пустота неба), т. е. в композиции, заключена драматичность.

Это было мое первое знакомство с искусством. Детские впечатления имеют особую важность для дальнейшего формирования художнического отношения к миру. Сочиняя пьесу или подготавливаясь к этому делу, раздумывая о том, какие внешние формы будут у нового моего замысла, — я всегда ощущаю в себе воспоминание об этой переводной картинке, вижу ее блеск перед собой. Она была удивительно мизансценирована, удивительно были расположены в ней пространство, фигуры и предметы. В ней был воздух драматического события.

5

Я хочу написать пьесу, где одним из главных действующих лиц будет эгоист.

Тип себялюбца.

Себялюбец живет в большой комнате с двумя окнами. Хорошая обстановка, светлый коридор, близость деревьев, травы. У окон, раскрытых в сад, обдувается нежная среда отблесков неба и зелени, теней стекла, запахов. В эту среду вступает себялюбец. Он идет к шкафу. Шкаф стоит между окон. Переходов из одной среды в другую себялюбец не замечает. Между тем зеленое сияние от дерева, раскинувшегося за окном, летит в комнату, и руки себялюбца становятся зелеными. Зеленой становится и

сорочка. Себялюбец ни на минуту не сомневается в ее белоснежности.

Дерево растет на расстоянии прыжка от окна. Оно молодое и мощное. Себялюбец не замечает: после сна дерево потягивается, зевает, встряхивается.

Себялюбец открывает шкаф. В шкафу абсолютно темно. Мерцают галстуки. Он выбирает галстук. Он завязывает галстук, заглядывая в низко поставленное зеркало. Он знает — зеркало может служить вечно, если не разобьется. Оно почти не поддается времени, не стареет. В сравнении с зеркалом ничтожна стойкость бритвенных лезвий «жиллет». Себялюбец думает: на мою жизнь хватит одного зеркала, двух шкафов, а сколько лезвий?

Себялюбцу предстоит жить еще лет сорок. Он говорит себе: мне тридцать пять лет, я сшил себе новую шубу. Она прослужит мне десять лет. Далее он не размышляет. А далее можно размышлять так: пройдет десять лет, бобр поредет, выпадут волосы, вытрется сукно, вытрются хорьковые шкурки. Придется шить новую шубу. Это наступит через десять лет. Но еще кое-что наступит через 10 лет. Выпадут волосы, сморщится кожа, разрушится, помимо шубы, также и носитель ее. Носитель закажет себе новую шубу. Ее хватит на десять лет. О себялюбце, который умрет, не нужно будет говорить: он прожил семьдесят пять лет. О нем скажут: он прожил детское пальто, гимназическую шинель, студенческую, еще что-то и две прекрасных шубы. Вторая половина его жизни состояла из двух прекрасных шуб. Вторая шуба тянулась до самой смерти. Мы застигаем себялюбца в период первой шубы. Это цветущий возраст, кульминационный пункт. Шуба великолепна.

Как крупная единица жизни складывается из более мелких, так и шуба эгоиста, которую мы приняли за крупную единицу его жизни, складывается из единиц помельче: костюмов, отдельных штанов, блуз, шляп, ковриков, стаканов. И как в веке неисчислимо по количеству и неуловимо по частоте мелькание дней, так и в шубо-веке неисчислимо и неуловимо мелькание лезвий «жиллет».

Прекрасное окружает себялюбца. Предел человеческого зрения лежит в бесконечности. Мы видим звездные туманности. Предел зрения эгоиста ограничивается как раз тем размахом руки, который необходим, чтобы влезла рука в рукав шубы.

Так готовится характеристика эгоиста.

У него каменная розовая лысина. Он красив и пахуч. Однажды он уронил в трамвае гривенник. Можете себе представить: уронил гривенник в трамвае у самого выхода в момент остановки, когда образовалась давка. Он стал искать гривенник. Он искал его под ногами у пассажиров, производя движения, похожие на движения моющего пол.

Он выпятил зад. Представляете себе? Он искал до тех пор, пока его не ткнули кулаком в зад.

Так живет эгоист в записной книжке. Покамест он обрабатывается прозой. Затем он станет действовать.

Он будет носителем власти человека над человеком и за это будет наказан.

Сейчас должна начаться драматургия, разрабатывающая характеры. Характер себялюбца, — возможно, отличного гражданина, работника, человека полезного и незаменимого, но себялюбца, эгоиста, — представляется мне необычайно интересным для изображения на сцене.